

Глава 25. Линьцзянсянь

Ян Ихай выходил из заднего двора, сгорая от запоздалого раскаяния.

«Ну и как я только не сдержался? С какого перепугу взял и пообещал ей? Хотя... куда мне было деваться. Черт знает, как эта паршивка пронюхала о моем прошлом! Проклятье! Если она и впрямь разболтает Юй Чуцю, что я был сяогуанем — пусть и только „чистым“, не продававшим тела, — этот костный книгочей точно выставит меня за порог. Эх... Ну и не везет же мне! И надо же было влюбиться в такого нищего, тупого чурбана...»

— Из трех тысяч рек я зачерпну лишь одну ласточку воды, — внезапно раздался густой бас прямо над ухом.

Ян Ихай едва не подпрыгнул на месте. Обернувшись, он увидел Су Цзыяня: тот подпирал спиной дверь и взирал на него с глубоким, щемящим чувством.

«Да он издевается... Что это еще за взгляд?!»

Ян Ихай в страхе отступил на пару шагов и осторожно спросил:

— Ты чего тут застрял?

— Я всё слышал, — Су Цзыянь печально опустил взгляд. — Не волнуйся, я рядом. Я не позволю сестре прыгнуть в огненную яму. Просто делай, что она просит. С тобой ей будет спокойнее, чем если она снова потащится на улицу якшаться с бродягами.

— Угу... — Ян Ихай кивнул.

— О, и еще кое-что...

— Что?

— Насчет того, что ты был сяогуанем... В этом доме об этом знают все. Кроме господина Юя.

—!!!

Похоже, Юй Чуцю на правах главы дома был тем еще простофилей — обо всём узнавал последним.

Тем временем Су Цзычуань, проведив Ян Ихая, допила горькое лекарство и направилась к себе. Но стоило ей дойти до ворот двора, как чья-то рука резко втянула её внутрь.

Обернувшись, она увидела Су Цзытяня. Он прислонился к дверному косяку, сжимая в руке складной веер. Нога чуть согнута, а взгляд... сложный, нечитаемый.

Су Цзычуань, впрочем, и бровью не повела. Увидев брата, она по-свойски хлопнула его по плечу. Она азартно блеснула глазами:

— Сяо Тянь, у твоей сестрицы свежие новости! Хе-хе... Хочешь узнать? С тебя мелочь на карманные расходы...

Договорить она не успела. В глазах поплыло, и в следующее мгновение она оказалась в крепких объятиях брата. Пока она пребывала в ступоре, до её уха донесся ломающийся юношеский голос. Су Цзытянь шептал, словно давал клятву:

— Сестра... куда бы ты ни пошла... я всегда буду защищать тебя...

Он обхватил её голову одной рукой, другой сжал талию и прижал к себе так крепко, словно боялся отпустить. Уткнувшись подбородком ей в макушку, юноша едва сдерживал слезы.

— Братишка... у-у-у... — Су Цзычуань не выдержала, обняла его в ответ и, уткнувшись ему в грудь, разрыдалась в три ручья.

Плакала она со вкусом, навзрыд, пока не потекли сопли. В самом разгаре истерики она принялась шарить по брату в поисках платка. Она нащупала какой-то листок. Недолго думая, она выхватила его, чтобы утереться, но стоило ей взглянуть на бумагу...

— А-а-а-а!!! — взвизгнула она. — А-а-а! Да я пришибу тебя, бестолочь! Господин Юй! Господин Юй, скорее сюда!!!

— Сестра! Отдай! Это же верная смерть, умоляю!

— И не подумаю! Еще и вырывать смеешь?! Ах ты паршивец! На сестру руку поднимаешь?! Бунт на корабле?!

— Сестра, у нас мать общая! Сначала разберись, кого кроешь, а потом ори! Прошу, верни бумагу!

— Что вернуть? — в этот момент до них донесся спокойный, элегантный мужской голос.

Брат с сестрой обернулись. Юй Чуцю, привлеченный криками, уже стоял в воротах. А за его спиной маячили прибежавшие на шум Ян Ихай, Су Цзыянь и двое малышей из семьи Сун.

Словом, вопль Су Цзычуань поднял на ноги всё поместье.

Су Цзытянь понял: позор неминуем. Он снова попытался выхватить листок, но сестра ловко увернулась и, подлетев к Юй Чуцю, всучила бумагу ему.

— Учитель, взгляните! Его еще можно спасти? — продрожающим голосом выпалила она и, кинувшись обратно к брату, принялась колотить его кулаками: — Ах ты бездельник! Столько денег на твою учебу тратим, а ты вместо книг только и знаешь, что с городскими повесами проценты выколачивать! Ну и разочарование!

Су Цзытянь спасался бегством, прикрывая голову:

— Сестра, ты же сама говорила, что здесь все лопухи, и велела найти способ подзаработать для дома!

— Довольно, прекратите оба! — Юй Чуцю, уловив суть перепалки, заложил руки за спину и нахмурился. Голос его оставался тихим, но в нем зазвучала стальная властность.

Лисье племя Су тут же притихло. Оба вытянулись в струнку, ожидая нахлобучки. Ян Ихай, подоспевший последним, так и сиял от злорадства, покрепче прижимая к себе маленькую Сун Ли.

Убедившись, что порядок восстановлен, Юй Чуцю развернул листок. Стоило ему пробежать глазами по строчкам, как его словно громом поразило. Он побледнел, мелко задергал бровями, а руки задрожали так, что бумага захрустела. Кончики пальцев побелели — казалось, он вот-вот порвет этот листок в клочья.

В конце концов он поднял голову. Лицо его было чернее тучи. Бедняга пошатнулся, едва не лишившись чувств; Ян Ихай вовремя подхватил его под локоть. Юй Чуцю беззвучно открывал рот, но от ярости не мог вымолвить ни слова.

Ян Ихай, встревоженный не на шутку, отобрал бумагу:

— Пробный вариант Провинциального экзамена... Ой, это же свиток Сяо Тяня?

Он никогда не видел тестов из элитных академий, а потому с любопытством принялся читать:

— Ого... сколько красных правок... ну и ну...

Посмотрев на поникшего Су Цзытяня, Ян Ихай покачал головой. Заметив, как Су Цзычуань в сердцах снова начала отвешивать брату тумаки, он подумал: «Надо же, довести самого Юй Чуцю, воплощение кротости, до такого состояния? Ну и талант у парня!»

Любопытство взяло верх, и он углубился в чтение:

— Кхм... Задание: «Вино из винограда в кубках из ночного нефрита...» — продолжите строку. Хм, да я это знаю! Ха-ха! Видать, и во мне спит гений. Рождайся я в знатной семье, тоже стал бы чжуаньюанем! Хи-хи-хи...

Ян Ихай самодовольно заулыбался, но наткнулся на ледяные взгляды окружающих и мигом осекся. Снова уткнулся в свиток:

— Э-э... Посмотрим, что ты тут накалякал... Так... «Вино из винограда в кубках из ночного нефрита... Побольше бы денег и баб до пупа?!» А-ха-ха-ха! Сяо Тянь, клянусь, ты куда талантливее меня!

—... — Су Цзытянь задрожал губами, он готов был провалиться сквозь землю.

Ян Ихай заходился хохотом, пока пара суровых взглядов не заставила его замолчать.

— Ну, Сяо Тянь, даже если ты написал правду, на экзамене-то так нельзя! Ты ж сам напросился на порку, хе-хе...

Юй Чуцю перевел дух и, дрожащим пальцем указывая на юношу, обратился к Ян Ихаяу:

— Это еще полбеды. Знаешь, как он продолжил изречение «В нужде храни в себе достоинство»?

— Я знаю! — встрял малыш Сун Цянь. — «А в достатке заботься о благе Поднебесной!»

— Вот видишь! Даже трехлетний ребенок знает классику, а ты... ты что ответил?! — Юй Чуцю едва не задохнулся от возмущения.

— Я написал... «В нужде храни в себе достоинство, а в достатке — гарем из жен и наложниц...»

— Пха-ха! — Ян Ихай рухнул от смеха.

На следующее утро, едва пропели первые петухи, в поместье Юй уже кипела жизнь.

Су Цзыянь, по своему обыкновению, вставал с первыми лучами солнца для тренировки. Когда Ян Ихай, потирая заспанные глаза, спустился со второго этажа в легком голубом халате, Цзыянь уже закончил три комплекса с клинком и вытирал пот.

Увидев Ян Ихая, Су Цзыянь густо покраснел и, подойдя к нему, выпалил ни с того ни с сего:

— Я похудел.

—... — Ян Ихай, еще не до конца проснувшийся, сощурился и принялся его разглядывать. — С чего бы это? Я что-то в упор не вижу.

— Правда похудел! — занервничал Су Цзыянь и опустил голову. — Гляди, подбородок заострился!

— Ну... — Ян Ихай подпер щеку рукой. — Ты прав... Каждый из твоих подбородков стал чуточку острее.

Юй Чуцю, еще не оправившийся от болезни, любил поспать подольше. Едва проснувшись, он услышал доносящиеся снизу приглушенные голоса.

— Я буду действовать медленно. Если станет больно — скажи, — голос Ян Ихая.

— Угу... Ой... у-у-у... — тихий, жалобный женский плач.

— Уже плачешь? И вправду больно? Ладно, буду еще нежнее... — ласково проворковал Ян Ихай.

Су Цзычуань всхлипнула и издала весьма двусмысленный звук:

— Ох... м-м... а-а... А-А-А!

Дыхание Ян Ихая сбилось, голос стал хриплым:

— Закидывай ногу повыше... еще немного потерпи...

Юй Чуцю густо покраснел. Он кубарем скатился по лестнице и... замер.

Су Цзычуань в одной нижней рубашке и штанах стояла, прижавшись спиной к стене. Одна её

нога была высоко задрана и покоилась на стопке кирпичей. Стоящий рядом Ян Ихай, обливаясь потом, продолжал подкладывать под пятку новые кирпичи.

— Что вы творите? — опешил Юй Чуцю, глядя на искаженное страданием лицо Су Цзычуань.

— У неё спроси, — Ян Ихай небрежно махнул рукой в сторону девушки.

— Ох... Я буду императрицей! Буду императрицей!!!

— Простите мою тупость... но разве так становятся императрицами?

Су Цзычуань перекосилась от натуги, а вместе с ней испортился и характер:

— Учитель, не спрашивайте! Это женские дела, вам все равно не понять! Ой-ой, как больно-то... Вот стану императрицей... — Она яростно стиснула зубы. — Буду смывать в туалете водкой «Маотай»! Буду поджигать благовония ассигнациями! Принимать ванны из девятисот девяноста девяти роз! А первая красавица столицы будет у меня в служанках бегать!

— Ну-ну... Вот когда станешь, тогда и поговорим, — Ян Ихай, заложив руки за спину, принялся расхаживать по комнате. Его широкие рукава колыхались в такт шагам, движения были полны достоинства и изящества: — А теперь слушай внимательно каждое мое слово.

— Угу... Постараюсь...

— Женщина беспокоится о своем будущем, пока не найдет мужа. Мужчина никогда не беспокоится о будущем, пока не найдет жену. До свадьбы мужчине кажется, что подходящих женщин почти нет. После свадьбы — что их кругом пруд пруди. Знаешь, как пишется иероглиф «свадьба»? Это когда у женщины голова идет кругом — вот тогда она и выходит замуж!

— Ох... К чему ты все это клонишь?

— Способ удержать мужчину — сделать так, чтобы он чего-то вечно недополучал. С женщинами все наоборот: её нужно постоянно удовлетворять, — договорив до этого места, Ян Ихай внезапно обернулся и ослепительно улыбнулся Юй Чуцю.

Тот лишь недоуменно заморгал и склонил голову набок, ничего не понимая. Ян Ихай усмехнулся: его улыбка могла бы сразить наповал десяток красавиц разом.

— Чуцю, этот прием отлично работает и когда нужно окрутить суженую.

Юй Чуцю вспыхнул до корней волос и поспешно ретировался.

Через пять минут он вернулся с кистью и маленьким блокнотом. Устроившись на пороге, он с пунцовыми щеками принялся прилежно записывать.

Ян Ихай сцепил руки за спиной, уголки его губ едва заметно дрогнули в усмешке:

— У мужчины верхняя половина — это воспитание, а нижняя — сущность. У женщины верхняя половина — приманка, а нижняя — ловушка.

Повернувшись к Су Цзычуань, он добавил:

— Мужская ложь может обмануть женщину на одну ночь. Женская ложь может обманывать мужчину всю жизнь.

Затем он снова повернулся к Юй Чуцю и лукаво подмигнул:

— С женщинами нужно обращаться как с государством — придерживаться принципа «недеяния». Не проявлять инициативы, не отказывать, не обещать и не нести ответственности.

Шурх-шурх-шурх... — Юй Чуцю старательно скрипел кистью.

Ян Ихай улыбнулся:

— Все мужчины одинаковы: им не нравится спать сорок раз с одной женщиной, им нравится переспать с сорока женщинами по одному разу.

<http://bllate.org/book/17540/1706349>